

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 2

«ОМЕГА»



Кирилл Попов

12+



УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Кирилл Попов

**УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Книга 2: «ОМЕГА»**

«Автор»

2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 2: «ОМЕГА» / К. Попов — «Автор»,
2026 — (УЗНИКИ ЭМОЦИЙ)

1984–1990 годы. В стенах засекреченной лаборатории кипит работа над таинственным проектом. Доктор наук Иван Сергеевич, прославленный нейропсихолог, и его юная талантливая помощница Лина погружаются в исследования границ человеческой психики. Под покровом строжайшей тайны они создают устройство, способное влиять на глубинные механизмы души — то, что делает нас живыми, уязвимыми, настоящими. Власть обещает: это откроет путь к идеальному обществу без хаоса страстей. Но какой ценой? Среди бетонных стен и холодных коридоров лаборатории рождаются «тихие» — люди, чьи сердца будто застыли, а лица утратили отблеск чувств. Всё идёт по плану — пока трое из них не исчезают в ночи, оставив лишь вопрос, который эхом отдаётся в сознании Ивана Сергеевича: «Что мы отняли у них и у самих себя?» Сомнения нарастают, тени прошлого тянутся к настоящему, а граница между наукой и этикой истончается до предела. Что скрывается за завесой секретности — спасение человечества или его тихая гибель?

© Попов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Выгорание	5
Глава 2. Лекция	7
Глава 3. Таинственный треугольник	9
Глава 4. Балетки	11
Глава 5. «Por una cabeza»	14
Глава 6. Вдохновение	17
Глава 7. Архив	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 2: «ОМЕГА»

Глава 1. Выгорание

После работы наверху, в институте нейropsychологии, новое место, где проводил эксперименты доктор наук Иван Сергеевич, оказалось напряжённым для него самого и его помощников.

Институт «Гармония» славился уровнем технического оснащения. Но после полного засекречивания проекта, над которым работал Иван Сергеевич, из лабораторий под основным зданием создали, в прямом смысле, двойной бункер. Просторное помещение, куда хоть как-то проникал солнечный свет, углубили и в центре, среди колонн, выстроили ряды металлических помещений. Экранирование требовалось, чтобы исключить любые излучения, способные скомпрометировать исследования.

Последний год он и его команда работали, по сути, в консервной банке без света. Порой было непонятно — день или ночь: времена года не распознавались в стенах этой безумной подземной конструкции.

Иван Сергеевич давно привык к условиям, почти к жизни в такой обстановке. Металлические стены с мягкой на ощупь звукоизоляцией снаружи и красивой отделкой внутри казались сносным решением — но дневного света они никогда не видели и не увидят, как и те, кто находился внутри.

Люди приходили зимой, когда ещё темно, а уходили, когда уже темно. Для некоторых солнечный свет и тепло были чудом — как северное сияние или запах утренней росы. Коридоры подземелья оснастили лампами дневного света. В отчётах по условиям труда значилось, что они эритемные и вырабатывают витамин D, — но психологический груз всё равно накапливался.

Сотрудники пытались создать уют: подпольно принесли телевизор и вывели наружу антенный кабель; кто-то устроил тренажёрный зал — принёс в пустую комнату скамью для пресса и гантели. В коридоре приспособили трубу для подтягиваний между креплениями вентиляционных шахт.

Эта способность приспосабливаться поражала доктора наук. Он понимал: лишать людей маленьких радостей кощунственно — особенно с учётом того, какими исследованиями они занимались. Порой ему казалось, что все работники, включая его самого, стали частью какого-то большого эксперимента.

Глотком воздуха для Ивана Сергеевича были две вещи: лекции по курсу «Нейropsychология и практика управления сознанием» и редкие поездки в «Заполярье» — северный «филиал» института.

«Заполярье», впрочем, было скорее колонией-поселением, куда отправляли неугодных учёных якобы на повышение. Там царил жёсткий контроль, но, по слухам, работникам жилось спокойнее, чем «на материке». Иван Сергеевич согласился бы уехать туда навсегда — но репутация и преданность системе не позволяли высказать такую мысль.

Карьера доктора наук взлетела после разработки «Считывателя», и он остро осознавал груз ответственности. Год назад смерть одного из испытуемых едва не лишила его всех наработок за пять лет — той самой «библии» исследований, что была частью его самого. Тогда он понял: чтобы сохранить дело жизни, придётся соглашаться на любые условия.

День за днём Иван Сергеевич видел: коллектив топчется на месте, люди отвлекаются на странные занятия. Чтобы это предотвратить, он выходил из кабинета, ходил по бетонному

полу, заглядывал в отделы и привычно спрашивал, как продвигается работа. Но нового ничего не было — и это угнетало сильнее, чем сама металлическая клетка лаборатории.

Как и прежде, доктор наук шёл по коридору и заметил бурно общающихся сотрудников. Он подошёл к «толпе» из трёх человек и увидел старый пожарный ящик с песком. Крышка была открыта — на поверхности лежал истлевший скелет какой-то рыбы, непонятно откуда взявшийся. Песок, видимо, привезли с берега и хранили здесь годами. Бедняга с плавниками застыл с открытым ртом, удивительно натурально — словно экспонат из музея биологии попал в катакомбы лаборатории.

Иван Сергеевич слышал споры: одни считали, что это сделано специально, другие отвечали — неважно, сам факт появления скелета в унылом коридоре заслуживает почтения.

Он невольно подумал: если так пойдёт дальше, они сами превратятся в ходячих скелетов — или уже превратились. От этой мысли стало не по себе.

Вернувшись в кабинет, доктор наук понял: надо что-то решать. Выгорание было налицо. Всё давило вокруг, мешало сосредоточиться. Нужен был поток технической свежести.

Завтра, по плану, очередная лекция у первокурсников. Иван Сергеевич не знал, что именно на ней он получит то, чего так желал.

Глава 2. Лекция

На столе лежал ворох бумаг. Складывалось впечатление, что у Ивана Сергеевича такой же хаос и в голове. Но, скорее, позитивный. Постоянный объём выполняемых задач — будь то подготовка к лекции или размышление о векторе дальнейшей работы лаборатории — добавлял внутреннее чувство заполненности: дело движется. Пусть не туда, но хоть куда-то.

Серьёзный подход сбивала какая-то надвигающаяся пустота. Иван Сергеевич всячески пытался её заглушить умными беседами со своим помощником Александром Волковым, несмотря на то что тому ещё не было 30. Вдвоём они могли беседовать в кулуарах железного подполья до глубокой ночи, рассуждая, какие ещё разработки, кроме «Считывателя», они смогли бы сделать. Но эта болтовня не давала ровным счётом ничего, кроме прожигания очередного рабочего дня и нерабочего вечера.

Первый учебный год для первокурсников почти шёл к завершению, и они усердно накапливали знания, конспектируя каждый жест основателя «Гармонии». Иван Сергеевич буквально притащил Александра на лекцию, чтобы хоть на несколько часов, слушая фоном лекции, побыть на весеннем солнце, которого так не хватало всем «узникам» железного подземелья. Создатель «Считывателя» иногда называл их «детьми подземелья», но в этой шутке скрывался смысл. Он шутил, но понимал, что это не так смешно, как кажется.

Иван Сергеевич смотрел на студентов и видел в их глазах полное погружение. Это было хорошо. Но он хотел видеть появление в их глазах творчества, стремление к исследованиям и, в целом, рвение к науке. Пока было видно лишь стремление записать всё, что он говорил и рассказывал.

Большие окна гигантской аудитории, где ярусами полукругом размещались почти 200 человек, освещали весенним солнечным светом абсолютно всё. Вдруг он заметил лицо одной из студенток. Она слушала его, но уже почти тридцать минут с момента начала лекции смотрела в окно. Её глаза были чуть прикрыты, а на лице был румянец и неспадающая улыбка, немного прикрытая золотистыми прядями волос.

Эта картина, представшая его взору, напоминала Ивану Сергеевичу его прошлое, его детство. В этом беззаботном взгляде было много позитива и теплоты, а окружавшие лучи солнца добавляли всему увиденному некую таинственность. Казалось, что это и есть полная гармония человека и природы, несмотря на изучение науки в стенах «Гармонии».

В какой-то момент на небе появилось небольшое облако. Буквально вмиг солнце пропало. Почти все в аудитории облегчённо вздохнули: в 1985 году ещё не было кондиционеров, и такое количество света несколько мешало дневному поглощению науки.

Иван Сергеевич увидел: лицо девушки мгновенно сменилось суровым выражением. Глаза открылись, она повернулась и посмотрела прямо на него. В свои 39 лет он не видел такого взгляда никогда. В нём была сама наука, и он не осознавал до конца, кто перед ним; он даже не вспомнил фамилию студентки.

«Лина...» — вспомнил он. — «Да, это она».

Он начал перебирать вчерашние курсовые по тематике «Гормоны и их влияние на эмоции» и подсознательно искал папку обладательницы этого взгляда. Надев очки, он наконец нашёл её. Открыв, он увидел аккуратный почерк и маленький треугольник, нарисованный на каждой странице. Раньше он не встречал таких пометок. Стороны треугольника были ровными, но нарисован он был не сразу, а по отдельности — каждая сторона в разное время, так как иногда было видно, что линии накладывались на лист бумаги не в один момент.

Резкая смена мимики студентки разжигала внутренний анализ Ивана Сергеевича всё больше.

Александр Волков заметил, что профессор прервал лекцию и смотрит прямо перед собой — на папку.

— Всё нормально, Иван Сергеевич? Всё хорошо? Что с вами? — спросил он.

Далее последовала пауза, и в аудитории воцарилась тишина. Студенты услышали голос помощника, и вся аудитория синхронно подняла взгляд на преподавателя.

Иван Сергеевич не видел ничего и никого вокруг — он прислушивался к своим мыслям и ждал отклика из самых глубин своего мозга. Он был уверен, что именно сейчас, именно в этот момент происходит нечто очень значительное.

Он поднял взгляд на окружающих. Зал как будто ждал, что он скажет в следующий момент. До конца третьей лекции оставалось 15 минут. Его взгляд нахмурился.

— На сегодня всё. Все могут быть свободны, — произнёс он.

Александр Волков встал первым и подошёл прямо к доске, встав рядом с Иваном Сергеевичем. Тот обернулся, не вставая из-за стола.

— Саша, кажется, я нашёл то, что мы искали, — сказал он.

Лицо Волкова выражало не удивление, не восторг, а скорее ужас. Иван Сергеевич увидел это и понимал почему. Многие беседы не прошли мимо его собственной реальности. Александр знал, на пороге чего они стоят. Он увидел в глазах доктора этот отчётливый, ни с чем не сравнимый пожар.

Они оба молчали. Студенты выходили молча из аудитории. Одной из последних выходила Лина. Иван Сергеевич проводил её взглядом. Александр заметил это, но не до конца понимал смысл происходящего.

Ясно было одно: Иван Сергеевич нашёл ответ на один из значимых вопросов, которые они обсуждали уже много недель.

— Саша, нам срочно надо вернуться в лабораторию. Я всё объясню, — сказал он.

Не дожидаясь ответа Александра, он взял одну папку со стола. Остальные Александр быстро собрал в стопку и пошёл за ним вслед.

Глава 3. Таинственный треугольник

Они зашли в просторный кабинет директора «Гармонии» и, как обычно, уселись за переговорным столом друг напротив друга. Иван Сергеевич не любил сидеть в своём рабочем кресле: он предпочитал постоянно перемещаться по лаборатории и кабинетам. Но если приходил Саша, обязательным атрибутом их разговоров и застолий был кофе или чай — обязательно с чем-то сладким.

Разговор должен располагать собеседников друг к другу и вызывать положительные эмоции, которые неизбежно появлялись от потребления любимых напитков и сладостей. Любая беседа шла на позитивных тонах, и со стороны это выглядело не как мини-учёный совет двух светил, а скорее как чаепитие двух закадычных друзей.

Александр немного поёжился на стуле, ссутулившись, приготовившись к монологу. Было понятно, что Иван Сергеевич выдаст нечто.

— Саша, ты видел её в аудитории? — спросил Иван Сергеевич.

— Лину, что ли? Да, видел, — ответил Александр. — Я её руководитель по курсовой. А что, собственно, не так?

— Ну, ветреная... В окно пялится — весна в глазах. Да и внешность... Сами видели. У нас тут будущие обольстительницы мужских сердец готовятся — мастера психоанализа на все руки (или ноги), — подумал и улыбнулся сам себе Саша.

— Хватит уже. Я серьёзно хотел поговорить, — лицо Ивана Сергеевича снова изменилось, и в глазах снова появился тот самый огонь, что был в аудитории. — Ты видел, что произошло, когда за окном исчезло солнце за облаками? Видел?

— Да, видел, — Александр стёр пот со лба. — Жара невероятная этой весной, все вздохнули с облегчением.

— Я имел в виду другое, — Иван Сергеевич взял папку с курсовой Лины со стола и открыл на первой попавшейся странице. — Ты смотрел это?

— Конечно, смотрел, — ответил Александр. — И более того, я подписал ей курсовую — у меня замечаний нет никаких.

Саша так и не мог понять, что не так с этой молодой девушкой и что в голове у доктора наук.

— Она менялась, понимаешь, — от солнца за окном. Менялась так, как будто ей капельницу с адреналином поставили, а потом на кортизол поменяли. Эти треугольники на страницах... Что это такое? Или мы ребусы теперь разгадываем? Может, скоро пляшущие человечки появятся в курсовых? Я не видел такого раньше. Стороны треугольников вырисовывались не в один день — что она пыталась изобразить?

Саша наклонился к Ивану Сергеевичу и шёпотом спросил, видя, что тот так и рассматривает край листа курсовой работы Лины:

— Иван Сергеевич, давайте её позовём завтра сюда и всё узнаем. Зачем сейчас ломать себе голову?

— Завтра, послезавтра, потом, вечером... У нас так уже год продолжается. Ты помнишь, что произошло тогда и какие были последствия? Мы тут сидим и не можем работать, как все учёные — при дневном свете, нормально! Я пытаюсь сдвинуть исследования с мёртвой точки, а не перемещать эту мёртвую точку по шкале времени.

— В общем, так, — продолжил Иван Сергеевич. — Вся наша дискуссия сегодня — это, конечно, здорово. Говорим уже час, а к кофе первый раз не притронулись. Это знак?

— Да, знак, — ответил Александр. — Знак того, что визуальное восприятие влияет на выработку гормонов.

— Давай-ка я тебе покажу кое-что, — Иван Сергеевич взял настольную лампу в руки, после этого направил её на пробковую доску для заметок и провёл слева направо полукругом. — Что тебе это напоминает, Саша?

— Ну, допустим, это восход и закат солнца — на западе и востоке, — ответил Александр. После Иван Сергеевич сделал тот же жест, но в обратную сторону.

— Что произошло, скажи? — спросил он.

Александр задумался.

— Скажем, солнце встало на востоке, а закат — на западе теперь, так?

— Угадал? — прищурился он.

— Почти, — уже спокойно ответил Иван Сергеевич. — Остаётся вопрос: мы сможем поменять местами стороны света или сможем изменить направление движения солнца? И то, и другое невозможно. Но! — с странным фанатичным взглядом сказал он, — мы можем приложить зеркало к нашему взору — и всё поменяется наоборот!

Александр не ожидал такого поворота.

— То есть вы хотите сказать, что если визуальный фактор влияет на выработку гормонов организмом, и мы испытываем эмоции от этого, то, ограничив выработку, мы сможем контролировать интенсивность увиденного человеком? Да?

— И даже больше! — воскликнул Иван Сергеевич. — Если мы добавим ограничение выработки гормонов не только к визуальным воздействиям, но и к остальным, мы сможем сформировать психотип, который нам нужен.

Он достал блокнот и судорожно начал записывать всё сказанное. Александру стало не по себе от того, что Иван Сергеевич уже словно не замечал его.

Когда Иван Сергеевич закончил, он поднял глаза на Сашу и сказал почти металлическим тоном:

— Мне нужно проверить ещё кое-что. Завтра ты вызовешь её сюда, в наши катакомбы, и, пожалуйста, давай как-то менее публично. Скажи, что по курсовой есть вопросы и так далее. На сегодня достаточно.

Иван Сергеевич устался на ламповый усилитель с проигрывателем пластинок — коллекцией, которой он очень гордился, — затем на Александра.

— Саша, нет, я не влюбился. Нам надо работать, понимаешь? И сейчас мёртвая точка пропала.

Александр не стал продолжать дебаты. Он просто встал и сказал:

— Иван Сергеевич, разрешите убыть. Завтра Лина придёт к вам, и я вместе с ней.

— Хорошо, — ответил доктор. — Но как только встретимся, оставишь нас. А пока подумай, что это за треугольники всё-таки внизу на полях курсовой. Мне интересно, сможем ли мы разгадать это до того, как Лина сама расскажет.

— Хорошо, Иван Сергеевич, — Саша вышел из кабинета.

Доктор остался один. Он нарисовал равносторонний треугольник прямо на пробковом дереве, сняв все бумажки с кнопками, которые бесполезно висели здесь почти год, медленно вырисовывая каждую линию по отдельности. Ещё раз поднял лампу к пробковой доске и увидел белый ореол, похожий на солнечный диск, прямо в центре.

Глава 4. Балетки

На следующий день Иван Сергеевич, как обычно, прибыл в свой кабинет раньше всех сотрудников. Открывая дверь, он сразу увидел нарисованный им ранее большой треугольник.

Студенты должны были прибыть ровно в 9 часов в здание института. Мысли проносились в голове со скоростью света. Иван Сергеевич знал, что его помощнику, младшему научному сотруднику Саше, не до него. Александр недавно женился, и супруга была уже почти на девятом месяце.

«Он снова убежит домой ровно в 6, как и в последние недели, — конечно, ему не до экспериментов, когда в семье пополнение», — задумчиво произнёс это вслух Иван Сергеевич.

Тишина утра в железных стенах была одинаковой изо дня в день. Грань между рассуждениями внутри и проговариванием мыслей вслух от этого стиралась.

«Посмотрим», — снова сказал вслух доктор. — «Мне нужна её реакция. Визуально теорию я подтвердил. А что же касается звуков? Что они сделают с ней?»

Стоп... Он резко встал, подошёл к шкафу со стеллажом и достал одну из пластинок, рассматривая яблоко в центре — наклейку с названиями песен. Внимательно прочитал:

— Да, это подойдёт.

«Но что я делаю? Я хочу сделать из студентки первого курса подопытную... Или... Или я рассмотрел в ней светило науки? Если б не те треугольники...»

— Хорошо, надо дожидаться, — сказал он себе.

Он поставил пластинку, и кабинет наполнило бархатное звучание одного из самых ценных произведений в его коллекции — это был Карлос Гардель, «*Por una cabeza*». Иван Сергеевич редко его включал. Ценность этой музыки была особенной. Можно было не понимать смысла, но после прослушивания в голове всегда рождались монументальные образы чего-то сверхъестественно прекрасного.

«Это самое сильное», — подумал он.

В этот миг дверь открылась без стука. Саша влетел как ошпаренный.

— Иван Сергеевич, мне... Мне надо уйти прямо сейчас!

— Саша, время ещё не 6 вечера. Ты пришёл на работу только для того, чтобы отпроситься? Что случилось, говори!

— Мариша рожает, — ответил Волков. В его глазах чувствовались просьба и волнение.

Иван Сергеевич посмотрел на него:

— Так ты хочешь помочь или что? Она уже в больнице?

— Иван Сергеевич, ночью ей стало плохо, её увезли на скорой. Разрешите, я поеду туда. Врач сказал, что там что-то не так, в общем, я не разбираюсь в этом...

— Саша, езжай. Я сам вызову Лину, тебе не до этого.

Александр Волков удалился так же быстро, как и пришёл. Иван Сергеевич окончательно осознал, что ему сейчас не до науки и разработок. Он снова оказался один в своём подземном кабинете.

Пластинка закончилась. До лекций оставался час. Он поднял трубку и набрал номер дежурного вахтёра — там, наверху, где было светло и жизнь бурлила каждый день.

«Звонок из подземелья», — буркнул себе под нос пожилой вахтёр. — «Что этим кротам не спится по утрам? Ладно хоть бы дежурили, а они...»

Ещё раз посмотрел на прямой телефон с надписью «-1 этаж» без наборника и взял трубку:

— Слушаю.

Иван Сергеевич неподдельно нервничал, когда вахта не с первого гудка брала трубку. «Думал, спят, что ли, снова?» — но, услышав ответ, сказал:

— Студентка первого курса Лина. Проводите её на минус первый, в общий тамбур, скажите, её встретят. Если спросит, скажите: вызывает ректор... лично.

— Принято, — ответил вахтёр.

Утренние лучи солнца играли в редких лужицах на аллее у института «Гармония». Симпатичная молодая студентка в ситцевом платье и с папкой в руках шла, почти танцуя, в такт утренним лучам, которые мелькали из-за листвы берёз.

Лина знала, что хочет стать самой-самой на свете — в плане науки. Процесс обучения в ведущем институте нейropsychологии поглощал её полностью. Она следила за своими ощущениями и эмоциями и вела дневник, в который записывала все ощущения за день. Это был её маленький секрет.

По вечерам она анализировала всё. Она придумала свой стиль — треугольник, все стороны которого обозначали: зримое восприятие всего окружающего мира, звуки и тактильные ощущения. По тому, какой треугольник и какие стороны больше, она кодировала свои записи, пометая, что, когда и при каких обстоятельствах, и как влияло на её внутренний мир.

Дошло до того, что при написании любого текста, любого предложения — абсолютно везде и всегда — она рисовала рядом свои любимые треугольники. Сложно сказать, стало ли это привычкой или чем-то другим. Лина не отдавала себе в этом отчёта, ей было всё равно, она не придавала этому особого значения. Со временем это стало её естественным ритуалом. Это были её собственные личные символы — как часть её самой.

Зайдя в фойе «Гармонии», её встретил вахтёр и, как обычно, улыбнулся, но в этот раз, не отрывая взгляда, сказал:

— Вы первокурсница с первого потока? Лина?

— Да, — растерялась Лина от такого странного вопроса.

— Я попрошу пройти со мной на минус первый этаж.

Вахтёр поднял знакомую трубку и сообщил, что через 5 минут она придёт.

Лина спустилась вместе с вахтёром по одной лестнице, затем по второй. Они попали в обширное фойе с множеством дверей хозблока института.

Подойдя к одной из неприметных дверей без надписи, вахтёр остановился. Рядом стояла Лина с немного растерянным видом. Она знала, что там, наверху, в центральном корпусе института, есть главная кафедра и кабинет ректора находится именно там. Про то, что под «Гармонией» расположен целый исследовательский комплекс, она не знала. Ходили слухи, что некоторые преподаватели странным образом приходят в здание и буквально растворяются в стенах института на весь день, а к вечеру появляются снова. Но сейчас она поняла, что её вызвали в то место, о котором не принято говорить вслух.

Вахтёр открыл дверь с магнитным замком без ручки. Яркий, почти дневной свет эритемных ламп осветил просторную широкую лестницу, которая вела вниз.

— Дальше сами, — спокойно сказал вахтёр. — Вас встретят.

Иван Сергеевич увидел на экране небольшого телевизора, стоящего рядом со столом переговоров, фойе и прилегающую к нему лестницу, идущую вверх. Картинка была статична. Как обычно, он знал: в ближайшие несколько минут Лина будет спускаться по этой лестнице. Он решил, так же, как и тогда в аудитории, посмотреть на её реакцию и приготовил блокнот.

Лина спускалась и попала в уютное фойе. Слева стоял автомат с газированной водой, а справа — два аккуратных дивана с небольшим столом между ними. Впереди были две массивные двери с матовым стеклом. Над дверьми располагалась массивная камера наблюдения, и, судя по красной лампочке, она работала.

Иван Сергеевич взял микрофон системы оповещения лаборатории, включил селектор фойе, отключив остальные блоки. Поднёс микрофон и спокойно произнёс:

— Лина, добрый день. Я вас ожидаю, проходите.

И нажал на кнопку автоматического открывания дверей.

Двери открылись, и Лина увидела такой же светлый коридор. Лишь прохладный, излишне свежий воздух застал её врасплох: её летнее одеяние явно не подходило для такого места.

«Слишком прохладно», — подумала она.

Иван Сергеевич переключил селектор камеры на коридор. Лина ступала медленно. Эритемные лампы светили тёплым, мягким дневным светом, но ощущение свежего воздуха и очень холодного пола делали её походку немного смешной. Она шла на цыпочках и старалась долго не задерживать ступни на полу. Тонкие подошвы балеток насквозь пропускали холод, исходящий от бетона.

Иван Сергеевич увидел, как каждый шаг в буквальном смысле отражался на её лице. «Холод порождает дискомфорт и тревогу — стресс. Вырабатывается кортизол и адреналин. Ей и холодно, и интересно», — она продолжала идти. Иван Сергеевич все записал в свой блокнот.

В тот момент, когда она почти подошла к двери Ивана Сергеевича, Лина не знала, что ректор находился за дверью в конце кабинета. Доктор внезапно открыл дверь и вежливо сказал:

— Добрый вам день, Лина. Это я вас вызывал, проходите.

Лина увидела очень ухоженный и в буквальном смысле техногенный, «настоящий» кабинет основателя «Гармонии» и сразу заметила деревянный глянцевый паркет на полу.

— Здравствуйте, Иван Сергеевич.

— Если честно, я немного растеряна... То я тут, а вы здесь, и это место... Это место... Это всё правда значит? Лаборатория под институтом?

Она почувствовала тепло, исходящее от дерева, из которого сделан паркет. Никакого подогрева не было — просто пол был комфортной комнатной температуры, в противовес бетону. От этого чувства внутри стало теплее и увереннее, тревога пропала.

А Иван Сергеевич заметил лёгкий румянец и чуть заметную улыбку на лице Лины, которые сменили тревогу и волнение, с которым она вошла в кабинет.

Курсовая Лины лежала на столе доктора наук.

— Ах, это... Да, Лина, я вызвал вас по поводу вашей курсовой работы, — сказал Иван Сергеевич.

Лина увидела большой треугольник на пробковой доске, посмотрела на Ивана Сергеевича и спросила растерянно — в голову больше ничего не пришло:

— И вы тоже???

Глава 5. «Por una cabeza»

Взгляд Лины упал на красивый металлический корпус усилителя для виниловых пластинок. Она не сильно разбиралась в технике, но уже хорошо понимала основы нейропсихологии.

Данный прибор вызвал у неё восторг: красивые прозрачные лампы выступали над чёрной глянцевой поверхностью металла, и казалось, что само стекло выросло из ниоткуда. Всё это выглядело словно наука растёт сама в этом «технологическом подzemье».

— Что это? — спросила она у доктора.

Иван Сергеевич улыбнулся:

— Лина, это бальзам для души. Это музыка, которой не подвластны годы, — это настоящая музыка, живая.

Лина проницательно вслушивалась в произнесённое. В этот момент Иван Сергеевич почувствовал, что именно сейчас он должен сделать свой третий эксперимент. Он уже не считал Лину подопытной, но её эмоциональность... Это было сродни соблазну для учёного. Иван Сергеевич жаждал углубиться в продолжение проверки придуманной им теории с ограничением эмоций. Всё-таки Лина в этот момент была скорее подопытной, нежели студенткой.

Иван Сергеевич подошёл к проигрывателю пластинок, включил усилитель и опустил тонарм на свой любимый виниловый диск. В этот момент из динамиков начали доноситься сначала тихо, а затем более проникновенно и бархатно голос и звуки музыки. Звучала его любимая композиция — «Por una cabeza».

Иван Сергеевич замер, смотря на Лину. Он не знал, какой будет её реакция.

Шла первая минута прослушивания. Лина смотрела словно внутрь кабинета — далеко-далеко вдаль. Её выражение лица было буквально высечено из камня, ни одной эмоции. Доктор смотрел на неё и ждал... Он ждал реакции... Но её не было.

Шла вторая минута заполнявшей весь кабинет мелодии. Стены были обиты мягкой обшивкой, и от этого звук был фантастически мягким и живым, словно сам исполнитель песни стоял рядом с ними с микрофоном.

А дальше произошло непостижимое. Иван Сергеевич увидел блеск в глазах Лины — это было отражение блика эритемных ламп. Маленькая слеза выступила на одном из глаз и, словно линза, переломила и усилила частицу дневного искусственного света, отчего отблеск показался солнечным — настоящим.

Иван Сергеевич смотрел не отрываясь. Лина словно сопротивлялась: ей было неудобно за свои эмоции, но она не смогла сдержаться. Следом за первой слезой выступила вторая, и уже капля за каплей по её щекам в буквальном смысле текли слёзы.

Ивану Сергеевичу стало её жалко. Он снова подошёл к проигрывателю и хотел молча выключить — он всё понял, ему всё стало понятно, — он решил прекратить «эксперимент». Но Лина...

Лина молча ответила сквозь слёзы:

— Нет, оставьте. Я хочу дослушать.

Иван Сергеевич, не отрывая руки от клавиши «стоп», развернулся и посмотрел на Лину. Она смотрела на него сверху вниз, и в её взгляде выступила лёгкая злость, словно она знала, что всё это было сделано специально, рассчитывая увидеть её реакцию.

Но факт того, что она догадалась об этом, добавил ей уверенности настолько, что она, вытирая лицо сама, первая решила сказать:

— Вы сделали это специально? Вы же знали, что будет такая реакция, я права? Скажите, доктор...

В этот момент лицо Ивана Сергеевича сделалось строгим, но он смог совладать со своим внутренним эго. Он не хотел отпугнуть Лину своими жестокими методами в некоторых вопросах, связанных с общением с подчинёнными.

— Лина, когда вы зашли, вы сказали: «Я тоже». Вы имели в виду — такой же, как ты? — Обратиться на «ты» он решил после того, как увидел слёзы Лины. Он знал, каков потенциал у этой студентки и как далеко она пойдёт. Невольно вспомнил Сашу Волкова, который к 30 годам так и не смог дойти до уровня этой молодой девушки.

— Лина, у меня много вопросов к вам. Прежде чем я начну, я скажу прямо: да, я выделил вас из всего потока учащихся, но лишь по теоретически разработанной мною методике, которая возникла спонтанно, — и он направил взгляд на треугольник, нарисованный на доске.

Слёзы на щеках Лины высохли, но глаза были красными. Но она не казалась заплаканной — а скорее разозлилась и хотела дальше действовать, бороться, узнавать и изучать.

— Иван Сергеевич, хоть я и на первом курсе, я уважаю всё, что вы мне сказали, но внутри я прежде всего учёный! Так я себя ощущаю. Мне нравится, чему здесь учат, и я хочу посвятить свою жизнь нейропсихологии!

Воспитание детей в Союзе радовало Ивана Сергеевича. Этот максимально идейный фундамент стремления вперёд закладывали большинству буквально с 1 класса. Лина была типичным представителем — подростком эпохи 1985 года.

— Скажи, Лина, что это за треугольник? — прямолинейность доктора напоминала шахматную партию.

Ответ Лины не заставил себя долго ждать:

— Зрение, слух и осязание, — ответила она.

— А где обоняние? — ответил Иван Сергеевич. — Или вы забыли про запахи и вкусы?

— Нет, не забыла, но это внутреннее восприятие. Иногда неприятное, — ответила Лина.

Иван Сергеевич немного улыбнулся и добавил:

— Согласен с тобой.

Дальше назревал вопрос: игра «в шахматы» будет идти за чёрные или белые, или доктор и Лина окажутся на одной стороне? Иван Сергеевич это понимал и не хотел быть оппонентом Лины.

— Лина, я не хочу ни соревноваться, ни давить на вас. Меня впечатлило ваше поведение и, самое главное, — не восприятие эмоций как таковых, а их анализ. Главный мой вопрос... Теперь уже вернёмся к тому, с чего начали. Ваша курсовая. Зачем анализ всего, что вы пишете и чувствуете?

Лина буквально воскликнула в недоумении:

— Я так решила, мне так интересно — это моё самовыражение!

Это был шах и мат. Ивану Сергеевичу было нечего добавить.

От Александра не было вестей. Иван Сергеевич подозревал, что что-то неладное. Сейчас здесь перед ним стояла хрупкая молодая студентка, но с головокружительным потенциалом, которая понимала его с полуслова. Именно такого соратника, помощника и ассистента он мечтал и хотел видеть в лаборатории. Ему не хватало действий, свежего потенциала и новых идей. Лина была именно тем человеком, который сможет вдохнуть в разработки нечто новое и совершить прорыв.

Александр, в отличие от Лины, так и останется научным сотрудником, — подумал он и произнёс вслух:

— Лина, руководитель твоей курсовой работы — Александр Петрович, уважаемый сотрудник, но такие, как ты, — это будущее науки!

Доктор не лукавил — он видел девушку насквозь. Лина малоэмоционально реагировала на его слова — она скорее изучала всё сказанное. Это ещё раз подтверждало мысли доктора.

— Иван Сергеевич, скажите, о чём была эта песня, которую вы решили мне включить?

Доктор подошёл к ней и, не отрывая взгляда от пластинки, молча лежавшей на диске проигрывателя винила, ответил:

— Об эмоциях, Лина, об эмоциях...

Глава 6. Вдохновение

Иван Сергеевич слегка улыбнулся — впервые за долгое время так открыто.

— Я вижу, ты придумала собственную систему кодирования эмоций. Очень нестандартный подход. Расскажи подробнее, как это работает?

Лина немного расслабилась. Она привыкла объяснять свою систему — делала это даже в дневнике, — но впервые кто-то из преподавателей проявил к ней настоящий интерес.

— Ну... Каждая сторона треугольника отвечает за один канал восприятия: зрительный, слуховой и тактильный. Длина стороны пропорциональна интенсивности ощущений. Например, если я вижу что-то яркое, зрительная сторона удлиняется. Если звучит красивая музыка — растёт слуховая. А если я касаюсь чего-то приятного или неприятного, меняется тактильная сторона.

Она подошла ближе к пробковой доске и указала на нарисованный треугольник:

— Вот здесь, например, я зафиксировала реакцию на утренние лучи солнца по дороге сюда. Зрительная сторона самая длинная — свет был особенно ярким сегодня. Слуховая чуть короче — я слышала пение птиц, но не очень отчётливо. А тактильная... — она улыбнулась, — она совсем небольшая, потому что платье хоть и лёгкое, но я почти не ощущала ветра.

Иван Сергеевич внимательно слушал, кивая головой. Он открыл её курсовую работу на странице с треугольниками.

— А здесь? Почему эти треугольники расположены именно так? И почему некоторые из них перечёркнуты?

Лина заглянула в курсовую через плечо доктора.

— О, это было во время эксперимента. Я пыталась понять, как меняется восприятие, когда я сознательно подавляю одну из реакций. Например, закрываю глаза — тогда зрительная сторона резко сокращается. Или зажимаю уши — и слуховая сторона почти исчезает. Перечёркнутые треугольники — это неудачные попытки, когда я не смогла полностью отключить канал.

«Отключить канал...» — мысленно произнёс Иван Сергеевич. «Если это не пророчество — то что?»

Доктор сел за стол и жестом пригласил Лину присесть напротив. Он не стал говорить про «блокировку канала». Не хотелось сразу дать понять, что будущие эксперименты могут быть намного серьёзнее невинных наблюдений. Пока не стоит ей знать о «Считывателе». Она сама его создала для себя.

Иван Сергеевич отчётливо понимал: то, за что он получил титул «доктора наук», спонтанно родилось внутри студентки-первокурсницы.

— Вы понимаете, что это может быть прорывом? Ваша система — не просто личный дневник. Это инструмент, который позволяет визуализировать эмоциональное состояние в реальном времени.

Лина широко раскрыла глаза:

— Вы правда так думаете? Я считала это просто... хобби.

— Нет, — твёрдо сказал Иван Сергеевич. — Это научный метод. И я хочу предложить вам кое-что. Работать со мной. Помочь развить эту систему. Мы можем создать устройство, которое будет управлять эмоциями. Возможно, мы сможем их контролировать.

Лина почувствовала, как внутри разливается тепло — не от температуры в кабинете, а от осознания, что её идеи наконец-то оценили по достоинству. Тревога окончательно ушла, сменившись воодушевлением.

— Я... Я согласна, — тихо, но уверенно произнесла она.

Иван Сергеевич обрадовался столь трепетному и бескорыстному рвению этой юной студентки. Он не обращал внимания на её юный возраст, мысленно штудировав записи, которые вёл уже несколько лет с момента основания «Гармонии». Доктор отчётливо видел, что открывает совершенно новую страницу исследований.

В момент их общего молчания резко зазвонил телефон. Иван Сергеевич небрежно взял трубку, не придавая значения этому звонку. Но по его лицу Лина поняла, что произошло что-то серьёзное.

Иван Сергеевич слушал и молчал, потом трубка как-то медленно начала сползать по его щеке, от чего очки неестественно перекосило на один бок, а на лице возникло выражение глубокой скорби...

— Иван Сергеевич, что случилось? Вы в порядке? — спросила Лина.

Доктор молчал. В его голове путались мысли. Его пугало, что он не мог сказать, за что переживает больше: за то, что его сотрудник, его правая рука — Александр Волков — неопределённое время не сможет полноценно продолжать работать, или за горе, которое случилось в его семье.

Он повернулся к Лине как-то отстранённо:

— Саша, бедный Саша... Дочка выжила, Мариша, его жена, — нет.

Лина всё поняла: Александр Волков теперь один будет воспитывать свою новорождённую дочь. Даже для молодой девушки это было потрясение — Волков был руководителем её курсовой работы с начала года, и Лина всегда гордилась тем, что помощник Ивана Сергеевича лично курировал её исследования. Но сейчас ситуация была слишком трагичной, чтобы сравнивать науку и личное горе её преподавателя.

— Иван Сергеевич, но мы же можем как-то помочь ему, хоть чем-то?

— Лина, у родившейся малышки хороший отец. Я искренне сожалею о том, что случилось, но Маришу не вернуть. Я теперь не знаю, удастся ли мне вернуть Александра, — ответил доктор.

Лина посмотрела ему в глаза и увидела, что доктор всё-таки переживает за проект в целом больше. От этого стало немного не по себе. Лина не стала продолжать диалог. Слёзы пропали, она вернулась в реальность.

Иван Сергеевич вышел из кабинета, не сказав ни слова. Лина продолжала стоять, смотря ему вслед.

«Странно, конечно, тут всё происходит. И эмоции у них тут, в подземелье, — странные», — подумала она.

Через несколько минут доктор вернулся какой-то потерянный. Все вопросы — «принеси», «подай» и так далее — делал Саша Волков. Иван Сергеевич остался в буквальном смысле без рук.

Лина, словно чувствуя это, решила и спросила:

— Иван Сергеевич, может, чаю?

Её взгляд был робким, но врождённый инстинкт женской заботы взял верх.

— Да, Лина, можно. А лучше кофе, некрепкий, — ответил он.

Иван Сергеевич даже не знал, откуда Саша приносил сладости и где лежат кружки на импровизированной кухне за дверью в другой части кабинета. Доктора никогда не интересовали эти «земные мелочи», как он их называл. То, что Саша волею судьбы пропал на неопределённый срок, образовало пустоту и неопределённость в его жизни, но в тот же момент эту пустоту чудесным образом заполнила Лина.

Иван Сергеевич сел спиной к пробковой доске на своё любимое место за столом переговоров, снял очки, положил перед собой и... выдохнул.

Лина тихо подошла к нему, поставила розетку с печеньем и чашки на стол. Иван Сергеевич посмотрел на неё. Она улыбнулась и налила ему кофе.

— Лина, — доктор бережно прикоснулся к чаше с кофе и продолжил, — я могу вас попросить завтра после лекций прибыть ко мне и взять с собой все ваши личные наработки по наблюдениям за своими эмоциями?

Возникла пауза... Лина продолжала стоять перед Иваном Сергеевичем.

— Садись, — сказал Иван Сергеевич: он хотел, чтобы она не чувствовала этой дистанции между первокурсницей и нынешним светилом института.

Она робко села на стул.

— Да, Иван Сергеевич, но там много личного, — ответила она.

Доктор сделал глоток ароматного напитка и другой рукой подвинул к ней корзинку с печеньем.

— Не переживай, в моём блокноте тоже много «личного», — он достал толстую тетрадь с потёртой обложкой, на которой была лишь одна надпись — «Архив».

— Нам о многом стоит пообщаться. Это будет долгий разговор, очень долгий, — ответил он.

Лина посмотрела на старую тетрадь, и по её взгляду стало понятно: перед ней — главная библия всего института «Гармония». А она — избранная. То, о чём она мечтала, воплощается в реальность в этот самый миг.

Глава 7. Архив

Почти каждый день Лина бесследно пропадала после лекций в коридорах «Гармонии» — таинственно, как и многие сотрудники и преподаватели института. Появлялась лишь поздно вечером на проходной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.